

ВЗРОСЛЕНИЕ ПО-ЛЕНИНСКИ И СЕМАНТИКА ЗНАЧКОВ детско-юношеских коммунистических организаций (октябрята – пионеры – комсомольцы).

Мария Чижикова

Российский государственный университет им. Иммануила Канта
Калининград

Товарищ Т. Живков в свое время выразил отношение Партии к роли пролетарской символики в деле идеологического воспитания молодежи: „Должна существовать полная ясность и правильная позиция в отношении к символам и ритуалам в нашем комсомоле и пионерской организации, к их содержанию и целям, которые мы собираемся достичь, используя их”¹. Эту фразу можно рассматривать как замечательный пример партийной риторики, смысл которой понятен каждому члену партии и загадочен для простых смертных: форма, существующая абсолютно независимо от содержания, чего не всегда удавалось достигнуть даже самым злостным формалистам. Однако коммунистическая партия на самом деле всегда понимала, насколько важна «работа с молодежью». Начало этому пониманию положил В. И. Ленин: „В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, не боясь ее”². Так к чему на самом деле стремилась партия, какой тайной и явной семантикой наделяла коммунистическую символику?

Как считал Ю. Лотман, „основными вопросами описания всякой семиотической системы являются, во-первых, ее отношение к вне-системе, к миру, лежащему за ее пределами, и, во-вторых, отношение статики к динами-

¹ Цит. по В. Караманчев, *Пролетарская символика*, Москва 1978, с. 5.

² Цит. по В.Е. Максимова, В.В. Привалов, *В.И. Ленин, партия, молодежь*, [в:] *Ленинские принципы борьбы за молодежь и современность*, Ленинград 1977, с. 4.

ке (каким образом система, оставаясь собой, может развиваться)³. Как раз такую цель имеет данная работа. Я хотела бы сосредоточиться, во-первых, на проблеме детства (и юности) в границах коммунистической идеологии и тоталитарного общества, во-вторых, кратко рассмотреть общую семантику значка в советском обществе, в-третьих, рассмотреть связь между изображениями Ленина на октябратском, пионерском, комсомольском значках и тоталитарным подходом к сущности детства.

Наиболее полно высказался по вопросу отношений «тоталитаризм – детство» Е. Добренко. Напомню главные пункты его концепции инфантилизма в советском обществе (и советского общества). Во-первых, как он считает, соцреалистическая культура, как и мир детства, является своеобразным пространством страха, прежде всего страха перед свободой. Это значит, что обе сферы обладают определенными пространственными характеристиками, среди которых Е. Добренко называет «пространство надзора и контроля», «пространство террора», «пространство насилия» и «пространство нормализации»⁴.

Однако, как кажется, Добренко слегка односторонне трактует коннотацию пространственных измерений тоталитаризма, окрашивая ее в исключительно отрицательные оттенки («подавление», «террор», «одиночество»). С этим трудно полностью согласиться, поскольку ни одна система не может функционировать при такой оценочной однонаправленности.

Полярно противоположные взгляды представляет Н.Н. Козлова, которая считает, что на самом деле масса «не была привержена идеологической догме» и что «масса не управляема на 100%, а тотальная манипулируемость ею – интеллигентский миф»⁵. С таким подходом тоже едва ли можно полностью согласиться, так как любая работающая система всегда действует на основе принципа равновесия, что означает возникновение бинарных оппозиций. Страх и террор должны быть уравновешены какими-либо позитивными ценностями.

Понятно также, что массы не могут быть тотально манипулируемы в сфере личной жизни, но как раз такая манипуляция обеспечивается манипуляцией на более интеллектуальном, идеологическом уровне, когда частная

³ Ю. Лотман, *Семиосфера*, Санкт-Петербург 2001, с. 12.

⁴ См. Е. Добренко, *Социализм и мир детства*, [в:] *Соцреалистический канон*, ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко, Санкт-Петербург 2000, с. 34.

⁵ Н.Н. Козлова, *Соцреализм как феномен массовой культуры*, [в:] *Знакомый незнакомец. Социалистический реализм*, Москва 1995, с. 210.

жизнь тесно связана с жизнью общественной. Чтобы достичь соединения этих двух сфер, партийным манипуляторам было необходимо держать массы в постоянной эмоциональной нестабильности, постоянном напряжении. С этой целью и была создана ситуация эмоционального парадокса и амбивалентности. Запугивание и насилие были дополнены любовью.

Не один лишь страх превращает члена тоталитарного общества в ребенка. Ребенком такой человек становится как раз под дополнительным влиянием любви – когда неумолимо грозит кара, всегда найдется некий источник любви неосуждающей, к которому можно припасть и покаяться („...И тогда мы вас расстреляем” – добавил бы О’Брайан из 1984). Именно в этом смысле удержать людей в состоянии вечной любви и вечного детства было важно для партийного руководства – только так получилось бы законсервировать истинное восприятие коммунистического общества.

Однако таковы были их намерения. Позднее увидим, насколько удачной была их практическая реализация.

Сначала необходимо проанализировать на материале детских и юношеских значков, как конкретно была воплощена главная идея любви и преданности Ленину и Партии. Но прежде всего кратко рассмотрим проблему идеологии таких значков в советском обществе.

По Ю. Лотману, значок, как и икона, является метафорой, в то время как, например, святые реликвии – это метонимия. Но во всех ли случаях действует выведенный Лотманом закон?

Пролетарская символика, как и иконы, является частью ритуального контекста, но, в отличие от иконы, которая, по словам Ю. Лотмана, подразумевает не только сам процесс ее создания иконописцем, но и также весь уклад его суровой и праведной жизни, молитвы, посты, духовное вознесение⁶, производство значка как будто бы не требует от художника таких жертв. Т.е., на первый взгляд, природа создания иконы прямо противоположна природе создания значка (как и любой массовой продукции).

Как пишет Н.М. Куренная, в советском обществе „поощрялся принцип тиражирования и копирования, внедрялась нивелировка любого вида творчества”⁷. Как раз этот принцип и есть основа продукции значков. Каждый значок по сути своей является массовой продукцией, что подтвержда-

⁶ Ю. Лотман, *Семиосфера...*, *op. cit.*, с. 183-184.

⁷ Н.М. Куренная, *О социалистическом реализме*, [в:] *Знакомый незнакомец...*, *op. cit.*, с. 10.

ется также его анонимностью и множественностью. В свою очередь значок, содержащий идеологическое послание, – как можно более удачное воплощение пропаганды любого характера. Геометрические очертания значка сами по себе неизбежно влияют на архетипические структуры человеческого подсознания. В нашем случае сама форма воплощения пропаганды – значок – разрешает парадокс, который заметила Т. Фадеева: „заострение оценок морально-этического плана по отношению к символу и цвету” можно считать „искажением” и „деформацией”⁸. Согласно Т. Фадеевой, идеология и символизм – две вещи несовместные. Однако в случае с советскими значками эта несовместимость пропадает.

Конечно, все помнят стихи Б. Слуцкого *Все мы ходили под богом...* В. Аксенов, как известно, трактовал их как выражение иррациональной природы советского „бога” („Бог ехал в пяти машинах...”). Но, помимо того, их можно взять в качестве иллюстрации массовой, стереотипизированной, «светской» природы нового бога.

Изменилась божественная суть – а значит, вместе с ней изменился и характер метафоры той сути. Значит, больше не нужно „духовное вознесение” – его заменил энтузиазм механической штамповки, и как раз шаблон, штамп, матрица является теперь новой божественной сущностью в обществе победившего коммунизма. „Бог” наконец-то стал видимым, хотя и пишется теперь с маленькой буквы, – в отличие от Бога с большой буквы, которого космонавты в космосе так и не увидели.

С механизмом штамповки напрямую связан и выбор материала для значка – железо, медь – который сам по себе обретает дополнительное значение как часть метафоры в понимании коммунистической символики. Очень интересны в связи с этим замечания Х. Гюнтера, который проследил развитие эпитетов „железный”, „стальной”. Если в 20-х годах человек срастается с техникой, „растет из железа”, то позже речь начинает идти уже о „железной воле партии и вождя или о подвигах полярных героев, которые прославляются как железные люди”⁹. Также интересно отметить, что, согласно тезисам доклада *Детское движение* на политпросветсекции V съезда РКСМ (1922), существуют не только «законы юных пионеров», но и „железные законы юных пионеров” (суть которых сводилась к употре-

⁸ Т. Фадеева, *Образ и символ*, Москва 2004, с. 19.

⁹ Х. Гюнтер, *Соцреализм и утопическое мышление*, [в:] *Соцреалистический канон...*, оп. cit., с. 44.

блению знаний „на пользу трудящимся“¹⁰). К этому можно добавить, что позже «железные законы» получили несколько буквальную трактовку: не зря самой популярной общественной акцией юных пионеров стал сбор металлолома. Свидетели помнят, с какой нечеловеческой энергией юные ленинцы стремились натащить на школьный стадион как можно больше ржавых железяк. Думается, это тоже отголосок семантики железа в парадигме соцреалистической культуры.

Что касается проблемы „металл – владелец“, то и она получает благодаря новой структуре метафоры железа иную интерпретацию. Согласно интерпретации традиционной, в отношениях человека с магическими предметами сам предмет выступает как объект, которым владелец – субъект – пользуется, чтобы достигнуть какой-либо цели, например, стать негибким, как железо и т.д. В коммунистической магии эти отношения приобретают новые черты: это влияние становится взаимным. Предмет также становится субъектом, а человек, владелец предмета, – объектом. Металл становится одушевленным, анимизируется. Теперь он управляет человеком.

Таким образом, в нашем случае значок – это не только метафора, это еще и метонимия. Бог железный, пластмассовый, медный получил новое воплощение. Что интересно, массовая природа значков вовсе не снижала их личной ценности для их обладателей, потому что массовость ассоциировалась теперь с новыми принципами жизни и – в перспективе – с божественностью. Поэтому потеря пионерского значка или октябрятской звездочки в детстве была такой трагедией.

Как видно, первая икона ленинизма – октябрятская звездочка – была адресована детям, однако в дальнейшем, думаю, удастся показать, что именно звездочка имела самое сильное влияние на формирование личной преданности вождю, а два других значка могут скорее сравниться с кругами на воде¹¹. Звездочка же стала эпицентром идеологического взрыва, и как раз по этой причине дальнейшие рассуждения будут посвящены в основном ей.

¹⁰ См. *Директивы и документы по вопросам пионерского движения*, ред. В. Ханчин, Москва 1959, с.72.

¹¹ Подобно тому, как В. Климов сравнивает детство с песней судьбы, в которой зашифровано целиком все течение жизни, и как раз детство является сжатием пружины, разжимание которой, – вся человеческая жизнь. В. Климов, *Детство есть судьба (к поэтике „сдвинутой“ литературы)*, „Детская литература“ 1992 № 5-6, с. 9-10.

Как уже было сказано, с ритуала прикалывания звездочки старшим по партии начиналось духовное рождение коммуниста, но вместе с тем и его медленное умирание и отдаление от рая и коммунистического идеала. Те три года, в течение которых ребенок пребывал в статусе октябренька, проходили в его постепенном посвящении в дело Ленина и подготовке к вступлению в пионеры, подготовке к очередной инициации.

И уже не выглядит парадоксальным тот факт, что отношение именно к октябрятам со стороны Партии было наиболее пренебрежительным. С культурологической точки зрения в этом пренебрежении можно разглядеть зависть взрослого коммуниста, отлученного от идеала, к посвященному (хоть пока и не осознающего собственное посвящение) ребенку.

Конечно, идеологическая работа с детьми основывалась на тех психологических трансформациях, через которые проходит ребенок после того, как пойдет в школу. Как утверждают детские психологи, „ребенок вступает в большой человеческий социум, гораздо менее уютный и безопасный, чем семья или группа детского сада”¹². Понятно, что не получится рассмотреть только значки в отрыве от идеологии „для детей”. Поэтому символический комплекс, в состав которого входили и значки, и торжественные обещания, и сбор макулатуры, тесно связан с психологией ребенка, с проблемами и особенностями его взросления в Советском Союзе.

Можно сказать, что внезапное нахождение в чужой среде и перемена общественного статуса способствовали тому, что ребенок проходил по очереди две первые стадии обряда инициации (согласно терминологии У. Тернера): исключения и маргинализации. Как раз в таком состоянии человеческое сознание является наиболее беззащитным и может легче всего поддаться влияниям.

В этот период наставники иницируемого приступают к идеологическому воздействию, пока на доступном детям уровне. В основном рассказывается о детстве Ленина, о том, что он был хорошим мальчиком и прилежным учеником и т.д. Больше дети попросту не смогут усвоить – но то, что усвоят, усвоят раз и навсегда. Впрочем, это имело неожиданный и нежелательный результат: например, в третьем классе, когда уже близок был момент принятия в пионеры, дети на вопрос „Что вы знаете о В.И. Ленине?”

---

¹² М.В. Осорина, *О некоторых формах коммуникативного поведения детей*, [в:] *Этнические стереотипы поведения*, Ленинград 1985, с. 48.

– могли ответить, что он „был хорошим человеком, хорошим учеником“, „очень любил детей“ и проч. Реже были ответы „Это вождь нашей партии“. Все это вызывало беспокойство среди ответственных за идеологическую работу старших товарищей, в чем они сами признавались¹³.

Звездочка стала визуальным воплощением „хорошего человека“. Она укрепила в сознании советского человека, что, в свою очередь, вызвало, во-первых, консервацию этого сознания на инфантильном уровне, а во-вторых, этот инфантилизм сохранился на уровне личного отношения к „дедушке Ленину“, что подтверждается социологическими опросами в Интернете.

Знаменателен ритуал ношения звездочки: как и пионерский, комсомольский значки, ее необходимо было носить на левой стороне груди (в отличие от „светских“ значков типа „Юный техник“, „Юный натуралист“, которые носились на правой стороне). Традиционно учителя объясняли это как близость Ленина к нашим сердцам. Но стоит также помнить, что коль скоро форма значков имитирует форму оберега и в определенном смысле исполняет его функции, то и место, на которое прикалывается значок, – левая сторона, в мифологическом сознании закрепленная за нечистой силой – означает охрану обладателя значка.

Интересно, что основой ленинского изображения на звездочке стала картина И.К. Пархоменко *В. Ульянов в возрасте 4 лет* (1921). Здесь следует обратить внимание на две вещи: во-первых, как известно, художник рисовал эту картину с фотографии, которую ему передала сестра Ленина Анна Ильинична. К этому тезису я вернусь позднее, когда речь пойдет о „изводах“ звездочки. Во-вторых, дети в возрасте 7 лет были вынуждены носить звездочку с изображением 4-летнего ребенка – а ведь в этом возрасте такая разница очень сильно чувствуется. Дети, от которых официально ожидается, что они, как только вырастут, сразу же присоединятся к классовой борьбе на 5 континентах, на самом деле искусственно задерживаются в детстве.

Более того, их пытаются вернуть в еще более ранний возраст. Но с одной оговоркой: это должно быть детство без родителей, без семьи. И на фотографии, и на картине Пархоменко маленький Ленин выглядит абсолютно одиноким и вместе с тем абсолютно самостоятельным. Взгляд этого необыкновенного ребенка, которому не только не страшно без мамы, но который в ней абсолютно не нуждается, выдает всезнание. Он не нуждается

¹³ Об этих опасениях см., например, *Ленинская тема в школе*, Ленинград 1971, с. 5.

ся в родителях, он родился как бы и без их участия: Мария Александровна Бланк, наполовину еврейка, не присутствует в коммунистическом пантеоне (в отличие от другой известной еврейки, у которой в другой религиозной парадигме есть свой собственный культ и которая сидит около Своего Сына) – хотя, конечно, есть картины, на которых изображен молодой Ленин с матерью, но это „светские“, апокрифические картины.

Все это формировало определенное общественное и личное сознание – удачно подрывая „престиж традиций, старшего поколения, семьи“¹⁴, одновременно толкая детей навстречу друг другу, объединяя их как единоверцев и образуя из них ту самую «стаю», о которой писал Е. Добренко и в которой в конечном счете нуждалась Партия.

Звездочка заключает в себе сущность оккультного знания коммунизма. В отличие от значков пионерской и комсомольской организаций, которые отягощены надписями (в первом случае – „Всегда готов!“, во втором – „ВЛКСМ“), звездочка содержательна без всяких слов. Как считает В. Похлебкин, любые надписи „как бы снижают, профанируют высокий символический смысл эмблем и в то же время ограничивают это разъяснение лишь тем кругом лиц, которым понятен тот или иной язык или которые грамотны“¹⁵. Таким образом, появление слов на значках может быть интерпретировано как забвение того знания, которое было доступно на другом уровне восприятия, которая не была профанирована буквами.

Эти надписи свидетельствуют только о том, что по мере взросления и перехода в очередную стадию коммунистического развития подросток, а потом юноша страдает от метафизического склероза: надпись на пионерском значке призвана напомнить ему, что делать („Будь готов!“ – „Всегда готов!“), в то время как надпись на комсомольском значке говорит о более глубоком погружении в забвение, ибо отвечает на вопрос онтологического характера „Кто я?“ (правильный ответ – „ВЛКСМ“).

Геометрическая форма звездочки также является более простой и в то же время более точной и продуманной в отличие от перегруженного надписями и символикой пионерского значка или абсолютно невыразительного комсомольского. Воинственный активный символ звезды дополнен изображением маленького Ленина, которое в свою очередь заключено

¹⁴ И.С. Кузнецов, *Проклятьем заклеянные?*, Новосибирск 1994, с. 64.

¹⁵ В.В. Похлебкин, *Словарь международной символики и эмблематики*, Москва 2001, с. 51-52.

в круг: символ человека – пентаграмма – соединилась с символом Абсолюта, нуля, идеала. Важно, что символ пентаграммы является старым охраняющим символом, о чем уже упоминалось. Роль охранной функции октябрятского оберега подчеркивается размерами звездочки, которая гораздо крупнее звезды пионерского значка.

Стоит помнить о том, что существуют 2 варианта звездочки, которые оба были распространены до исчезновения всех детских партийных организаций: речь идет о цельнометаллическом варианте и варианте пластмассовом с репродукцией картины Пархоменко посередине. Причем второй вариант считался более нежелательным среди наших учителей и более популярным среди самих октябрят. Кажется, таким образом сталкивались разные взгляды на суть искусства. С точки зрения взрослых „фотография“ (как мы называли изображение Ильича) выглядела более „искусственной“ и „мертвой“, может быть, даже более „сюрреалистичной“¹⁶, чем простое литое изделие. Зато более конкретный детский способ мышления отдавал предпочтения как раз «живому», «глядящему» Ленину. Дети именно из-за уже упомянутого конкретного способа мышления и восприятия могли легче отождествить себя с чудесным ребенком на „фотографии“.

Очередной советский парадокс: октябрята – „внучата Ильича“, как раз поэтому закрепилось название „дедушка Ленин“, а на значке мы видим кудрявого ангелочка, который одновременно и старше и моложе любого октябренка, который обладает мудростью и знанием о времени и пространстве, который концентрирует все временные полосы. В связи с этим интересным кажется рассказ Д. Фурманова о похоронах Ленина. Фурманов описывает лицо Ленина в гробу следующим образом: „...Лицо бело, как бумага, спокойно, на нем ни морщин, ни страдания – оно далеко от тревог. Оно напоминает спокойствием своим спящего младенца...“¹⁷. Как видим, для Ленина даже визуальное смерть была шагом назад, в младенчество (отсутствуют морщины – эти признаки старости, он спокоен как младенец).

Что касается пионерских и комсомольских значков, то их следует рассматривать вместе, потому что выраженная возрастная и метафизическая граница отделяет октябрятский значок от значков подростков и юношей. Изображение Ленина на пионерском, а позже и на комсомольском значке со-

¹⁶ Ср.: Л. Гинзбург, *Человек за письменным столом*, Москва 1989, с. 7.

¹⁷ Д. Фурманов, *Ленин в гробу*, [в:] *Ленин всегда с нами*, Москва 1969, с. 492.

вершает скачок от детства во взрослое состояние: ангельский мальчик превращается в лысого вождя революции. Если изображение Ленина-ребенка с пространственной точки зрения скорее напоминает фотографию дорогого человека в медальоне (зритель видит его по плечи анфас, что тоже имеет значение), то от Ленина на комсомольском и пионерском значках осталась только голова. Изображение головы начинает приобретать символическое значение, хотя на пионерском значке она пока не совершенно оторвана от *тела*: она словно вырастает из лозунга „Всегда готов!“, т.е. из *партийного* тела.

Ленина, который изображен на этих значках, пионеру или комсомольцу было бы уже трудно отождествить с собой. Ленин отдаляется, истинная сущность коммунизма тоже отдаляется с течением лет. Соотношение „Я≈не-Я“, которое выкристаллизовалось между маленьким Лениным на звездочке и октябрятами, утрачивают магический смысл и заменяются более рациональным „я≠Он“. Первобытный синкретизм, свойственный детскому мировосприятию, превращался в обычное расщепленное сознание взрослого. Совершался окончательный раздел на субъект (Ленин – Партия) и объект (советский человек). Ленин на этих значках из метафизического субъекто-объекта „как бы Я“ превращается в Старшего – необязательно Брата (и вообще необязательно мужчину). Еще Луначарский замечал в нем что-то „почти от матери“¹⁸, а В. Воровский писал о его „мужской нежности“¹⁹.

Из многочисленных воспоминаний о внешности Ленина можно сделать вывод, что важнейшей деталью его образа была именно голова. И. Эренбург писал о черепе Ленина в гробу: „Я долго глядел на этот изумительный череп: он заставлял думать не об анатомии, но об архитектуре“²⁰. О «изумительной красоте» черепа Ленина писали также А. Луначарский, М. Герасимов, Н. Полетаев, М. Берингов. В подаче Горького Ленин в целом был эстетическим феноменом классического периода: „Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре – точно произведение классического искусства: все есть и ничего лишнего никаких украшений“²¹. Череп Ленина как эстетическое и символическое явление, конечно, выразительнее всего выглядит в профиль, как и представлена на значках.

¹⁸ А. Луначарский, *Штрихи*, [в:] *Ленин всегда с нами...*, *op. cit.*, с. 20.

¹⁹ В. Воровский, *В.И. Ульянов-Ленин*, [в:] *Ленин...*, *op. cit.*, с. 364.

²⁰ И. Эренбург, *В январе 1909 года*, [в:] *Ленин...*, *op. cit.*, с. 77.

²¹ Цит по А.Н. Шефов, *Образ В.И. Ленина в советском изобразительном искусстве*, Ленинград 1980, с. 27.

Комсомольский значок визуально уже не является символом (хотя бы и таким вычурным, как пионерский значок), а моделью: выполненный в форме флага с надписью ВЛКСМ и образом головы Ленина (которая по сравнению с головой на пионерском значке окончательно отделяется от тела и существует сама по себе – как чистый символ). И хотя целью данной работы не является рассмотрение цветового решения значков, можно добавить, что в отличие от пионерского значка и звездочки, комсомольский значок выдержан в одной цветовой гамме. В качестве модели он все дальше отстраняется от истинного знания, потому что модель, в отличие от символа, сама по себе является хранительницей информации, феноменом скорее формалистским, вещью, замкнутой в себе. Она не соотносится в такой степени с каким-то внешним мистическим источником.

Все эти наблюдения позволяют сделать вывод о странном парадоксе триады значков: чем ближе идеологически и темпорально к партии, тем дальше визуально и архетипически от детской ясности сознания и искренней преданности, символом которых была звездочка, тем дальше от коммунистического рая, тем дальше от метафизического коммунизма. Весьма любопытно, как с этой точки зрения можно интерпретировать рассказ Г.М. Кржижановского о выступлении Ленина на Красной площади в 1919 году: „А вот те малыши, которых я вижу на руках у многих матерей, вот эти счастливыцы узнают подлинную суть коммунизма“, – говорил Ленин²². В 1959 году Кржижановский добавлял: „Малыши, о которых говорил Ильич, – это ваши отцы и матери. Мечта Ленина сбывается. Ваши родители войдут в коммунистическое общество на склоне жизни, вы – в цветущем возрасте“²³.

Как мы видим, срок пришествия коммунизма на землю с течением лет отодвигается. Таким образом, коммунистическое царство является недостижимым именно из-за физической природы для человеческого создания, которое взрослеет и стареет – одни только дети могли бы туда войти, с главным ребенком, В.И. Лениным во главе. Не взрослым принадлежит царство коммунизма, ибо, как утверждает Е. Добренко, „коммунизм это всегда детство, детство это всегда коммунизм“²⁴.

²² Г.М. Кржижановский, *Из письма „Учитесь, думайте, трудитесь, дерзайте!“*, [в:] *О пионерской организации. Статьи, речи, письма*, Москва 1969, с. 36.

²³ Ibidem.

²⁴ Е. Добренко, *Соцреализм и мир детства*, [в:] *Соцреалистический...*, op. cit., с. 36.

„Growing Up the Lenin Style” and the Semantics of Children's and Teenage
Communist Organisations' Badges
(Octabriata – Pioneers – Komsomol Members)

The subject of the analysis is the question of childhood and youth in Soviet ideological environment. This problem is seen through the perspective of the semantics of pioneer and Komsomol badges, and in particular, the star-shaped badge bearing an effigy of Lenin as a child (inspired by 1921 painting by I. Parkhomenko's *Lenin at the age of 4*). This badge was worn by Octabriata, i.e., the representatives of the youngest circle of ideological initiation. The author postulates that – within the scope of the discussed triad of badges – the star carried the most metaphysical semantic charge, and as such it had a particular significance in building the children's attitude toward the leader's figure. The Octabriata badge is also considered as a kind of amulet, and wearing it as a cultural practice, with an occult background.

„Dorastanie po leninowsku” i semantyka znaczków
dziecięcych i młodzieżowych organizacji komunistycznych
(*oktiabriata* – pionierzy – komsomolcy)

Przedmiotem analizy jest kwestia dzieciństwa i młodości w radzieckiej przestrzeni ideologicznej. Problem ten jest naświetlany poprzez perspektywę semantyki znaczków pionierskich i komsomolskich, a przede wszystkim – semantyki znaczka w formie gwiazdy z podobizną Lenina w dzieciństwie (wg obrazu I. Parchomienki *Lenin w wieku 4 lat* [1921]). Znaczek ten był noszony przez *oktiabriata*, a więc przez przedstawicieli najmłodszego kręgu wtajemniczenia ideologicznego. Autorka stawia tezę, iż w obrębie rozpatrywanej triady odznak gwiazda niosła ze sobą najbardziej metafizyczny ładunek semantyczny i jako taka miała szczególne znaczenie w formowaniu postaw dzieci wobec figury wodza. Rozpatruje także znaczek oktiabriacki jako rodzaj amuletu, a noszenie go – jako praktykę kulturową o tle okultystycznym.